

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ЛИ ИНСТИТУТ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ НА СТАДИЮ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА?

В. В. Николюк

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел

В статье анализируются нормы УПК РФ о мерах пресечения в уголовном судопроизводстве, обосновывается вывод об ограниченности их действия вступлением приговора в законную силу. Обращается внимание на особенности заключения под стражу осужденного в стадии исполнения приговора, показывается самостоятельность данного вида ареста в сравнении с арестом обвиняемых и подозреваемых как мерой пресечения, аргументируется точка зрения о целесообразности дополнительной законодательной регламентации оснований и порядка заключения под стражу осужденного при исполнении приговора.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры пресечения, заключение под стражу, осужденный, стадия исполнения приговора.

Уголовно-процессуальный институт мер пресечения в силу мощного принудительного потенциала (особенно в случаях, когда подозреваемый, обвиняемый заключаются под стражу) является востребованным в практике досудебного и судебного производства по уголовному делу. Согласно данным официальной статистики только мера пресечения в виде заключения под стражу в 2013 году применена в отношении 133,3 тыс. обвиняемых (подозреваемых), еще 203,5 тыс. арестованных оставлены под стражей в порядке продления им срока ареста. В 2014 году эти показатели существенно не отличаются и выглядят следующим образом: судом взяты под стражу по уголовным делам 133,8 тыс. обвиняемых (подозреваемых), в отношении 207,4 тыс. арестованных сроки содержания под стражей продлены.

В докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год вопросы применения мер пресечения выделены в отдельную проблему в рамках раздела «Права человека в уголовном судопроизводстве», где обращено внимание на неоправданность чрезмерно широкого распространения заключения под стражу обвиняемых, ее несоответствие разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», ряду постановлений Европейского Суда по правам человека.

Меры пресечения у абсолютного большинства интересантов ассоциируются главным образом со стадиями расследования и судебного разбирательства уголовного дела. Данный феномен имеет свое объяснение: законодатель predetermined применение этих мер процессуального принуждения моментами начала расследования уголовного дела и рассмотрения его судом, вступлением приговора в законную силу. Несмотря на то, что согласно ч. 2 ст. 97 УПК РФ мера пресечения, наряду с другими целями, может избираться для обеспечения исполнения приговора, и, казалось бы, при широкой трактовке данной цели избранные меры пресечения продолжают действовать до тех пор, пока приговор не будет исполнен, п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ не дает оснований для такого вывода. В нем четко оговорено: в обвинительном приговоре решение о мере пресечения принимается до вступления приговора в законную силу. Следовательно, если буквально толковать п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, с вступлением приговора в законную силу меры пресечения, действовавшие при производстве по уголовному делу, утрачивают свою легитимность. Дальнейшие правовые ограничения для осужденного наступают уже с учетом содержания вступившего в законную силу приговора и назначенного наказания. Поэтому представляется некорректным суждение о том, что «реально осужденный содержится под стражей или подвергается другой мере пресечения в период между вступлением приговора в законную

силу и обращением его к исполнению (трое суток) – ч. 4 ст. 390 УПК РФ» [17, с. 106].

Поскольку избранная судом в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ мера пресечения непременно утрачивает силу по вступлении приговора в силу, правильнее считать, что осужденный продолжает содержаться под стражей (когда ему назначено наказание в виде лишения свободы) на основании судебного приговора. И, конечно же, осужденный не может подвергаться любой другой мере пресечения в период, когда приговор вступил в силу и обращается к исполнению. Иначе норма, включенная в п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, а также решение суда об избрании (сохранении) меры пресечения до вступления приговора в законную силу были бы простой фикцией.

Вместе с тем действующее законодательство предусматривает на стадии исполнения приговора задержание осужденных на срок до 48 часов, продление срока задержания до 30 суток (ч. 2 ст. 30, ч. 4 ст. 32, ч. 4 ст. 46, ч. 6 ст. 58, ч. 4 ст. 60.2, ч. 2 ст. 60¹⁷, ч. 6 ст. 75¹, ч. 9 ст. 178¹ Уголовно-исполнительного кодекса РФ), заключение под стражу осужденного на срок до 30 суток (пункты 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ). Эти нормы ориентированы на ситуации, когда необходимо решить вопрос об аресте осужденного до даты судебного заседания, где будет рассмотрено представление о замене наказания, направлении осужденного в колонию-поселение под конвоем. Тем самым на данном этапе уголовного судопроизводства законодатель вновь вынужденно возвращается к мерам государственного принуждения, предполагающим взятие лица под стражу.

Помещение в УПК РФ норм о заключении под стражу осужденных в стадии исполнения приговора закономерно порождает вопрос: продолжают ли действовать нормативные предписания, образующие уголовно-процессуальный институт мер пресечения, после вступления приговора в законную силу? [1, с. 96–102]. Выносимые в указанных случаях постановления судьи называются по-разному: «Постановление о заключении под стражу осужденного»; «Постановление о продлении срока задержания»; «Постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу». Встречаются дела, когда при отмене условного осуждения лица и направлении его для отбывания наказания в виде лишения свободы в колонию-поселение

суд постановляет до вступления постановления в законную силу избрать осужденному меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Иногда суд апелляционной инстанции, оставляя в силе решение нижестоящего суда о замене наказания на лишение свободы, избирает в отношении осужденного меру пресечения в виде заключения под стражу, хотя постановление суда апелляционной инстанции сразу же вступает в законную силу. Таким образом, на практике отдельные судьи полагают уместным не только пользоваться термином «мера пресечения» при применении пунктов 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, но и принимать решение об избрании в отношении осужденного меры пресечения в виде подписки о невыезде. Данные получены в рамках обобщения практики применения судами в 2013 году норм УПК РФ и УИК РФ, регулирующих заключение под стражу (задержание) осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, которое проведено Верховным Судом РФ с участием автора.

Данный аспект в исследовании мер пресечения имеет не только чисто теоретический, научный интерес. Если исходить из действия правил гл. 13 «Меры пресечения» при применении пунктов 18 и 18¹ УПК РФ, то с учетом специфики стадии исполнения приговора, ее правового регулирования обнаружится, что далеко не все нормативные установки указанной главы Кодекса объективно могут быть пригодны (их основной адресат – орган расследования, прокурор) либо они не «стыкуются» с правилами гл. 47 УПК РФ.

Отрицательный ответ на поставленный выше вопрос «обнажает» пробелы в законодательной регламентации заключения под стражу осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, «поднимает» проблему законности соответствующих судебных решений, принятых по аналогии со ст. 108 УПК РФ.

В теории уголовного процесса специально обращалось внимание на то, что такую цель мер пресечения, как обеспечение исполнения приговора, преследует лишь суд при вынесении обвинительного приговора или при оставлении его без изменения вышестоящей инстанцией вплоть до приведения в исполнение [9, с. 117; 2, с. 18–19].

По мнению В. С. Чистяковой, как правило, меры пресечения применяются в период производства по делу, в ходе предварительного расследования и судебного разбирательств

ва, чтобы обеспечить нормальный ход процесса. Необходимость особого указания в законе на такую цель избрания мер пресечения, как обеспечение исполнения приговора, исследователь объясняет тем, что в данном случае мера пресечения избирается лицу, признанному виновным и подвергнутому наказанию по приговору суда до вступления приговора в законную силу, чтобы обеспечить возможность применить к нему наказание. «Представляется, – пишет В. С. Чистякова, – что для избрания меры пресечения при вынесении обвинительного приговора (ст. 303, 315 УПК РСФСР) необходимы основания, свидетельствующие о том, что подсудимый может воспрепятствовать исполнению приговора (ст. 89, 96 УПК РСФСР)» [23, с. 32–33].

Обеспечение исполнения приговора как одна из целей мер пресечения достигается, замечает И. Л. Петрухин, путем недопущения сокрытия осужденного, то есть сводится к первой цели (другие цели здесь не преследуются, так как на данном этапе процесса уже нет опасности помешать установлению истины и вряд ли можно ожидать продолжения преступной деятельности). Обращая внимание на то, что фактически здесь речь идет о воспрепятствовании сокрытию не от суда, а от органов, ведающих исполнением приговоров, И. Л. Петрухин предложил соединить первую и четвертую цели мер пресечения и сформулировать эту единую цель следующим образом: предотвратить сокрытие обвиняемого (подозреваемого) от дознания, предварительного следствия, суда и исполнения приговора [17, с. 106]. Однако в любом случае автор связывал действие мер пресечения с вступлением приговора в законную силу [17, с. 106]. В этой связи ученым была обозначена проблема значимости мер пресечения для стадии исполнения приговора, суть которой в условиях действовавшего четверть века назад законодательства уголовно-правового комплекса И. Л. Петрухин выразил следующим образом:

а) при применении отсрочки исполнения приговора на основании ст. 46.1 УК РСФСР (некий аналог современного условного осуждения) возлагаемые на осужденного обязанности (не менять без согласия органа внутренних дел место жительства, периодически являться для регистрации в орган внутренних дел, не выезжать с места постоянного жительства), будучи внешне схожими с ограниче-

ниями, предусмотренными отдельными мерами пресечения, последними не охватываются. Названные ограничения для осужденного носят не процессуальный, а исправительно-трудовой характер. При применении ст. 46.1 УК РСФСР не имеет смысла избирать какую-либо из процессуальных мер пресечения и до вступления приговора в силу, так как нет данных, что осужденный будет вести себя ненадлежащим образом;

б) при отсрочке исполнения приговора в порядке ст. 361 УПК РСФСР (аналог ст. 398 УПК РФ) не исключено, что осужденный может скрыться, и для предотвращения такой возможности можно было бы допустить надзор милиции за осужденным, получение у осужденного подписки о невыезде или обязательства о перемене места жительства лишь с разрешения органов внутренних дел. «Но эти меры, если бы они были допущены, – писал И. Л. Петрухин, – все равно нельзя отнести к мерам уголовно-процессуального пресечения... Это меры исправительно-трудового характера» [17, с. 164, 165].

Таким образом, по мнению И. Л. Петрухина, применяя отсрочку исполнения приговора в порядке ст. 46.1 УК РСФСР, суд обязан отменить ранее избранную меру пресечения, а в порядке ст. 361 УПК РСФСР – не избирать меру пресечения [17, с. 165]. Иными словами, автор не видел целесообразности и необходимости «пролонгации» института мер пресечения после вступления приговора в законную силу.

Вместе с тем, как отмечалось еще раньше на страницах юридической печати, предоставляя отсрочку, суды все же иногда в целях обеспечения исполнения приговора избирали в отношении осужденного одну из предусмотренных законом мер пресечения, кроме заключения под стражу. Так, Октябрьский районный народный суд г. Иркутска осудил М. по ст. 17, 89, ч. 2, ст. 99 УК РСФСР к четырем годам лишения свободы. Принимая во внимание, что М. к моменту исполнения приговора находилась в состоянии беременности, суд в соответствии с п. 2 ст. 361 УПК РСФСР отсрочил исполнение приговора на один год. Освобождая осужденную из-под стражи, суд избрал в отношении М. на период отсрочки исполнения приговора иную меру пресечения – подписку о невыезде, изложив свое решение в резолютивной части определения [2, с. 18–

19]. Как видно из приведенного примера, в данном случае суд расширительно истолковал нормы о мерах пресечения и вышел за пределы предоставленных ему законом полномочий. По большому счету, нарушение осужденной подписки о невыезде не могло иметь для нее тех правовых последствий, которые наступают для обвиняемого по уголовному делу, то есть когда мера пресечения «легитимна».

Констатируя неурегулированность вопроса о применении мер пресечения в стадии исполнения приговора, В. А. Михайлов, напротив, высказался за принципиальную возможность их избрания в следующих ситуациях: 1) при немедленном исполнении судом (судьей) приговора; 2) в процессе содержания лиц под стражей после вступления в законную силу приговора, но до начала его фактического исполнения [16, с. 166]; 3) при отсрочке исполнения приговора; 4) в процессе исполнения приговора к исправительным работам без лишения свободы; 5) условного осуждения к лишению свободы. «Неприменение в настоящее время законодательства о мерах пресечения в стадии исполнения приговора, — пишет ученый, — имеет негативные последствия: обвиняемые скрываются и иным образом мешают исполнению приговора (определения, постановления); администрация следственных изоляторов длительное время содержит обвиняемых в следственных изоляторах, не этапировав их к месту отбывания наказания; органы внутренних дел с ведома прокуроров используют институт задержания условно-осужденных и осужденных, исполнение приговора в отношении которых отсрочено, для обеспечения их явки в суд. Для устранения причин, порождающих данные и другие нарушения законности, следует, по нашему мнению, прямо предусмотреть в разделе 5 (гл. 29) УПК РСФСР нормы, предписывающие судьям в закрытых судебных заседаниях с участием сторон при наличии к тому оснований применять институт мер пресечения в соответствии со ст. 89–101, 393, 394 УПК РСФСР» [13, с. 264–265].

Соглашаясь с тем, что в стадии исполнения приговора возникает необходимость принятия принудительных мер к осужденным, с помощью которых появляется возможным пресечь их уклонение от отбывания наказания, вряд ли объективно обозначенную ситуацию можно кардинально изменить путем

распространения института мер пресечения на данный этап уголовного судопроизводства. Если меры пресечения ориентированы на обеспечение нормального хода уголовного дела с формулированием соответствующих оснований, условий и порядка их избрания, то, как они «будут работать» при исполнении приговора, где решаются принципиально иные задачи? Предусмотренная УПК система мер пресечения механически не может быть «наложена» на уголовно-процессуальную деятельность при исполнении приговора, ибо она «обслуживает» другие этапы уголовного судопроизводства.

Изучение серии научных работ, посвященных проблемам уголовно-процессуального принуждения в целом и мер пресечения в частности, которые образовали отечественную доктрину государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, приводит к принципиальному выводу: абсолютным большинством ученых-процессуалистов институт мер пресечения в условиях его регулирования УПК РСФСР и УПК проецируется на производство по уголовному делу, рассматривается как одно из средств обеспечения его расследования и судебного разбирательства, осуществления правосудия, и с вступлением приговора в законную силу утрачивает свою значимость.

Так, по мнению И. М. Гуткина, весьма обстоятельно исследовавшего уголовно-процессуальный институт мер пресечения, «закон предоставляет право органам дознания, предварительного следствия, прокурору и суду в необходимых случаях применять к обвиняемым *на период производства по уголовному делу* (выделено нами. — В. Н.) принудительные меры, ограничивающие их свободу. Эти меры направлены на пресечение возможных со стороны обвиняемого попыток активно противодействовать расследованию уголовного дела или продолжать свою преступную деятельность и потому называются мерами пресечения» [5, с. 3–4]. Из данного тезиса видно, что автор ограничивал действие мер пресечения рамками производства по уголовному делу, полагая их цели достигнутыми при вступлении приговора в законную силу.

В формулировке целей мер пресечения, которые обозначила З. Ф. Коврига, имеется указание на воспрепятствование уклонению обвиняемого от отбывания наказания [7,

с. 84]. Последующая характеристика автором целей мер пресечения показывает, что достижение данной цели связывается с постановлением приговора и вступлением его в законную силу.

Рассмотрев комплекс вопросов, вытекающих из законодательного регулирования и практики применения мер пресечения, особо выделив проблемы соотношения оснований для предъявления обвинения и избрания мер пресечения, их изменения и отмены, В. М. Корнуков отмечает, что данные меры процессуального принуждения находятся в компетенции должностных лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу [8, с. 70–72].

Обращая внимание на то, что меры пресечения применяются к лицам, обвиняемым в совершении преступлений, не предрешают результаты разрешения дела и применение наказания судом, З. З. Зинатуллин определял границы их действия расследованием и судебным разбирательством уголовного дела [6, с. 65].

В фундаментальной монографии, отражающей наиболее актуальные проблемы государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, Б. Б. Булатов сформулировал ряд интересных предложений по совершенствованию правового регулирования отдельных мер пресечения. Данные предложения также ориентированы на досудебное и судебное производство по уголовному делу и не касаются стадии исполнения приговора [3, с. 76–134].

С точки зрения О. И. Цоколовой, определяющим фактором при избрании меры пресечения, включая заключение под стражу, надлежит считать тяжесть совершенного преступления. При избрании меры пресечения обвиняемому (подозреваемому) необходимо исходить из категории преступления (ст. 15 УК РФ), в совершении которого предъявлено обвинение. «Предлагается, – пишет автор, – следующая система отношений между мерами пресечения и тяжестью совершенного преступления: 1) преступления небольшой тяжести: подписка о невыезде, личное поручительство. С учетом характера преступления и личности обвиняемого мера пресечения может не избираться; 2) преступления средней тяжести: подписка о невыезде, личное поручительство, залог. Если избрание указанных мер невоз-

можно, то избирается заключение под стражу; 3) преступления тяжкие: залог, домашний арест, заключение под стражу; 4) преступления особо тяжкие: заключение под стражу» [21, с. 16]. Очевидно, что при таком подходе действие института мер пресечения ограничивается расследованием и судебным разбирательством уголовного дела.

В ряде других оригинальных работ, в которых исследуется институт мер пресечения, также аргументируется тезис о том, что уголовно-процессуальное законодательство конструирует его (институт мер пресечения) «для нужд» нейтрализации возможного или реального противодействия расследованию и судебному разбирательству уголовного дела [11, 18, 19, 20, 15]. Подобный подход ученых-процессуалистов к определению места в уголовном процессе института мер пресечения адекватно отражает состояние в этой части уголовно-процессуального законодательства. Последнее на протяжении уже многих десятилетий остается в этом плане консервативным: принципиально не затрагивая содержание мер пресечения, законодатель незначительно скорректировал их перечень (общественное поручительство заменено домашним арестом) и изменил процедурные условия их избрания (введен судебный порядок применения залога, домашнего ареста, заключения под стражу). Функциональное назначение института мер пресечения сохранено, и вряд ли в закреплённом варианте он может быть переориентирован на выполнение других, дополнительных задач уголовного судопроизводства. Обращение к конкретным процессуальным нормам гл. 13 УПК РФ «Меры пресечения» подтверждает данный вывод.

Анализ дополнительных по отношению к УПК РФ нормативных источников, регулирующих применение мер пресечения в уголовном судопроизводстве, также подтверждает вывод об ограниченности сферы их действия рамками производства по уголовному делу.

Например, архитектура и содержание Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» указывают применительно к мере пресечения в виде заключения под стражу на следующее: данный закон распространяется на лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, которые фигурируют в уголовном деле.

Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь к вопросу о гарантиях судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, сформулировал и сформировал целую систему правовых позиций [22, с. 4–11]. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих порядок и сроки применения меры пресечения в виде заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами граждан отмечается, что указанные правовые позиции Конституционного Суда РФ, коррелирующие с выводами, сформулированными в решениях Европейского Суда по правам человека, распространяются на правовое регулирование применения заключения под стражу в качестве меры пресечения, независимо от того, на каком этапе уголовного судопроизводства суд принимает соответствующее решение. Вместе с тем суд должен руководствоваться общими положениями, закрепленными в ст. 10, 108, 109 и 255 УПК РФ, исходя из того, что *избранная в рамках уголовного судопроизводства мера пресечения прекратила свое действие после вступления в законную силу обвинительного приговора, отмена которого не приводит к автоматическому ее восстановлению* (выделено нами. – В. Н.), а для избрания вновь меры пресечения в виде заключения под стражу требуется установление судом с участием заинтересованных сторон фактических обстоятельств, подтверждающих основания для заключения под стражу, с учетом нового этапа уголовного судопроизводства.

Таким образом, формулируя детальные фундаментальные правила в части применения самой строгой меры пресечения в уголовном судопроизводстве, Конституционный Суд РФ «видит» ее значимость исключительно в рамках производства по уголовному делу, специально подчеркивает, что она прекращает свое действие с вступлением приговора в силу.

В преамбуле Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде за-

ключения под стражу, домашнего ареста и залога» заявлено, что при разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам, исходя из презумпции невиновности, следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности. Если строго руководствоваться положениями ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности», то надлежит признать: с учетом реализованной в УПК концепции мер пресечения Верховный Суд РФ позиционирует их как процессуальный институт, призванный обеспечить надлежащее поведение подозреваемого и обвиняемого в связи с производством по уголовному делу, вплоть до вступления приговора в законную силу.

Таким образом, законодатель, Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ исходят из того, что пределы действия мер пресечения заданы рамками производства по уголовному делу, которое разрешается по существу с вступлением приговора в силу. Именно в данном контексте должна восприниматься и формулировка в законе (ст. 89 УПК РСФСР, ст. 97 УПК РФ) одной из целей мер пресечения – обеспечения исполнения приговора. Применение мер принуждения в стадии исполнения приговора регламентируется соответствующими нормами УПК, «вынесенными» за рамки гл. 13 УПК РФ «Меры пресечения», а также нормами УИК РФ, предусматривающими задержание осужденного на срок до 48 часов с правом его продления до 30 суток.

Длительное время уголовно-процессуальное законодательство «обходило стороной» ситуации, когда возникала необходимость заключения под стражу осужденного при рассмотрении судом вопроса о замене назначенного ему приговором наказания на лишение свободы. Во многом это можно объяснить тем, что уголовный закон лишь в исключительных случаях допускал такую замену, а сама «линейка» наказаний, не связанных с лишением свободы, была короткой. За соответствующие нарушения предусматривалось направление по решению суда условно осужденных к лишению свободы и условно освобожденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду в места лишения свободы, а также принудительное направление осужденного к месту ссылки под конво-

ем. В этой связи мерой обеспечения осужденного в суд являлось задержание осужденного на срок до трех суток, которое предусматривалось исправительно-трудовым законодательством (статьи 78¹, 78³, 80 ИТК РСФСР).

В условиях, когда УК РФ существенно расширил перечень наказаний, не связанных с лишением свободы, предусмотрел правила их замены на лишение свободы в судебном порядке, а УИК РФ, сменивший ИТК РСФСР, разрешил территориальным органам уголовно-исполнительной системы обращаться в суд с представлением о направлении осужденного к лишению свободы в колонию-поселение под конвоем, уголовно-процессуальный закон «повернулся лицом» к обсуждаемой проблеме, предусмотрев возможность заключения под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания (пункты 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ). На страницах юридической печати в этой связи была высказана точка зрения, согласно которой заключение под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, является разновидностью ареста как меры пресечения [4, с. 177, 178].

По нашему мнению, вряд ли подобный шаг законодателя следует расценивать как распространение института мер пресечения на стадию исполнения приговора. Заключение под стражу в соответствии с пунктами 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ достигается одна единственная цель – обеспечить явку осужденного в судебное заседание путем краткосрочного (до 30 суток) лишения его свободы. Меры пресечения же «привязаны» к уголовному делу, их применением преследуются, в частности, цели нейтрализации противодействия (угрозы участникам дела, уничтожение доказательств) обвиняемому расследованию уголовного дела. Позиционированию заключения под стражу осужденного, уклоняющегося от отбывания наказания, как разновидности ареста, фигурирующего в уголовном процессе в качестве меры пресечения, препятствуют и принципиальные различия в процедуре их избрания. Отличаются в анализируемых ситуациях не только инициаторы ареста, но и сам порядок (на всех его этапах) представления в суд материалов, «пакет» которых самостоятелен и его наполнение предопределено целями и основаниями заключения под стражу, с одной стороны, лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений, с другой – осуж-

денных, уклоняющихся от отбывания наказания.

Поэтому представление о заключении под стражу, предусмотренном пунктами 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, как разновидности ареста, применяемого в качестве меры пресечения в соответствии со ст. 108–109 УПК РФ, весьма упрощенное, не отражает сущности и роли данной меры принуждения в обеспечении достижения назначения уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Анализ действующего правового регулирования применения мер государственного принуждения при производстве по уголовному делу и в стадии исполнения приговора, соответствующих правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ позволяет сформулировать следующие принципиальные выводы по вопросу, вынесенному в заголовок статьи.

1. Уголовно-процессуальный институт мер пресечения в существующем законодательном оформлении не распространяется на стадию исполнения приговора. Заключение под стражу осужденных, предусмотренное пунктами 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ, является автономной мерой принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве. Она сходна с арестом обвиняемого (подозреваемого) лишь внешне. Функциональное ее назначение, круг лиц, на которых она распространяется, сроки действия, процедура применения в совокупности придают ей самобытность, дистанцируют от системы мер государственного принуждения, регулируемых разделом 4 УПК РФ.

2. Институт мер пресечения обслуживает центральное, основное производство в уголовном процессе – расследование и судебное разбирательство уголовного дела, нормальный ход которого во многом зависит от того, насколько эффективно используются меры пресечения. Сообразно этому подходу (объективно обусловленному и оправданному) на протяжении фактически всей истории существования кодифицированного российского уголовно-процессуального законодательства функциональное назначение (обеспечение установленного порядка производства по уголовному делу и предупреждение совершения обвиняемым новых преступлений) и пределы действия (с момента возбуждения уголовного

дела и до вступления приговора в законную силу) мер пресечения остаются неизменными.

3. В стадии исполнения приговора в связи с ведением судебного производства о замене исправительных работ, ограничения свободы, обязательных работ, штрафа на лишение свободы, необходимостью направления осужденного в колонию-поселение под конвоем предусмотрено заключение под стражу осужденного на срок до 30 суток (пункты 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ). Назначение и порядок применения указанной меры принуждения существенно отличают ее от ареста, регулируемого ст. 108–109 УПК РФ, в силу чего она не может интерпретироваться как разновидность, продолжение меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, применяемой по уголовному делу. Специфика заключения под стражу осужденного в соответствии с пунктами 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ предполагает дополнительную его законодательную регламентацию [14, с. 16, 17; 12, с. 169–181].

Литература

1. Булатов, Б. Б. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 96–102.
2. Булатов, Б. Б. Применение мер пресечения в целях обеспечения исполнения приговора / Б. Б. Булатов, В. В. Николюк // Советская юстиция. – 1982. – № 20. – С. 18–19.
3. Булатов, Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве / Б. Б. Булатов. – Омск, 2003. – 320 с.
4. Воронин, О. В. Применение мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора / О. В. Воронин // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Ч. 30 / под ред. М. К. Свиридова. – Томск, 2006. – С. 177–178.
5. Гуткин, И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе: лекция / И. М. Гутман. – М., 1963. – 43 с.
6. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность / З. З. Зинатуллин. – Казань, 1981. – 136 с.
7. Коврига, З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З. Ф. Коврига. – Воронеж, 1975. – 175 с.

8. Корнуков, В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В. М. Корнуков. – Саратов, 1978. – 136 с.

9. Кудин, Ф. М. Принуждение в уголовном судопроизводстве / Ф. М. Кудин. – Красноярск, 1985. – 136 с.

10. Куудинов, Л. Больше внимания законности предварительного заключения под стражу / Л. Куудинов // Советская юстиция. – 1982. – № 4. – С. 15

11. Лившиц, Ю. Д. Меры процессуального принуждения в советском уголовном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Д. Лившиц. – М., 1958. – 18 с.

12. Ложкина, Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. – 190 с.

13. Михайлов, В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе / В. А. Михайлов. – М., 1996. – 304 с.

14. Николюк, Н. В. Производство по рассмотрению и разрешению дел о замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания: автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Николюк. – М., 2006. – 27 с.

15. Овчинников, Ю. Г. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе / Ю. Г. Овчинников. – М., 2006. – 192 с.

16. Петрухин, И. Л. Меры пресечения // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / И. Л. Петрухин. – М., 2010. – 661 с.

17. Петрухин, И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе / И. Л. Петрухин. – М., 1989. – 256 с.

18. Савгирова, Н. М. Меры пресечения, иные меры процессуального принуждения / Н. М. Савгирова. – М., 1960. – 228 с.

19. Савгирова, Н. М. Проблемы мер пресечения в уголовном процессе: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / Н. М. Савгирова. – Екатеринбург, 1991. – 42 с.

20. Трунов, И. Л. Меры пресечения в уголовном процессе / И. Л. Трунов, Л. К. Трунова. – СПб., 2003. – 356 с.

21. Цоколова, О. И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в

уголовном процессе: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук / О. И. Цоколова. – М., 2007. – 60 с.

22. Червоткин, А. С. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ о применении заключения под стражу, домашнего ареста

залога / В. С. Червоткин // Уголовный процесс. – 2014. – № 2. – С. 4–11.

23. Чистякова, В. С. Законность и обоснованность применения мер уголовно-процессуального принуждения / В. С. Чистякова. – М., 1978. – 63 с.

Николюк Вячеслав Владимирович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел. Email: nvv56@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2015 г.

DOI: 10.14529/law150407

IS THE INSTITUTE OF MEASURES OF RESTRAINT APPLIED TO THE STAGE OF EXECUTION OF A SENTENCE?

V. V. Nikolyuk

*Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation*

The article considers the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on measures of restraint in criminal legal proceedings. The conclusion about limitation of their action when the sentence comes into legal force is validated. The attention is paid to peculiarities of taking the condemned person into custody at the stage of executing the sentence. The self-dependence of this type of arrest in comparison with the arrest of accused and suspected persons as a measure of restraint is shown. The point of view about reasonability of an additional legislative regulation of the grounds and an order of detention of the condemned when executing the sentence is supported.

Keywords: *criminal legal proceedings, measures of restraint, detention, condemned person, stage of executing a sentence.*

References

1. Bulatov B. B. [The detention of the convict maliciously evading from execution of a sentence]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*, 2013, no. 6, pp. 96–102. (in Russ.)
2. Bulatov B. B. [The application of preventive measures to ensure the execution of the sentence], *Sovetskaja justicija [The Soviet justice]*, 1982, no. 20, pp. 18–19. (in Russ.)
3. Bulatov B. B. *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v уголовном sudoproizvodstve* [State coercion in criminal proceedings]. Omsk, 2003, 320 p.
4. Voronin O. V. *Primenenie mer processual'nogo prinuzhdenija v stadii ispolnenija prigovora* [The application of coercive procedural measures in the stage of execution]. *Pravovye problemy ukreplenija rossijskoj gosudarstvennosti* [Legal issues of strengthening of the Russian statehood], Tomsk, 2006, pp. 177–178.
5. Gutkin I. M. *Mery presechenija v sovetskom уголовном processe* [The measure of restraint in Soviet criminal proceedings]. Moscow, 1963, 43 p.
6. Zinatullin Z. Z. *Ugolovno-processual'noe prinuzhdenie i ego jeffektivnost'* [Criminal procedure coercion and its effectiveness]. Kazan', 1981, 136 p.
7. Kovriga Z. F. *Ugolovno-processual'noe prinuzhdenie* [Criminal procedure coercion and its effectiveness]. Voronezh, 1975, 175 p.

8. Kornukov V. M. *Mery processual'nogo prinuzhdenija v ugovnom sudoproizvodstve* [Coercive procedural measures in criminal proceedings]. Saratov, 1978, 136 p.
9. Kudin F. M. *Prinuzhdenie v ugovnom sudoproizvodstve* [Coercive in criminal proceedings]. Krasnojarsk, 1985, 136 p.
10. Kudinov L. [More attention to the legality of pretrial detention]. *Sovetskaja justicija* [The Soviet justice], 1982, no. 4, pp. 15–16. (in Russ.)
11. Livshic Ju. D. *Mery processual'nogo prinuzhdenija v sovetskom ugovnom processe: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk* [Measures of procedural coercion in Soviet criminal proceedings. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 1958, 18 p.
12. Lozhkina L. V. *Zakljuchenie pod strazhu osuzhdennyh, zlostno uklo-njajushhihsja ot otbyvanija nakazanija v vide shtrafa, objazatel'nyh rabot, ispravitel'nyh rabot ili ogranichenija svobody (voprosy teorii i praktiki): dis. ... kand. jurid. nauk* [Detention of prisoners, it is malicious evading from serving of punishment in the form of a fine, compulsory work, corrective labour or restriction of freedom (theory and practice). Diss. Kand. (Law)]. Izhevsk, 2007, 190 p.
13. Mihajlov V. A. *Mery presechenija v rossijskom ugovnom processe* [The measure of restraint in the Russian criminal process]. Moscow, 1996, 304 p.
14. Nikoljuk N. V. *Proizvodstvo po rassmotreniju i razresheniju del o zamene nakazanija v svjazi s uklo-neniem osuzhdenного ot ego otbyvanija: avtoreferat dis. ... kand. jurid. nauk* [Proceedings on consideration and resolution of cases the penalty in connection with evasion condemned from serving his. Author's abstract Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 2006, 27 p.
15. Ovchinnikov Ju. G. *Domashnij arest kak mera presechenija v ugovnom processe* [House arrest as measure of restraint in the criminal process]. Moscow, 2006, 192 p.
16. Petruhin I. L. *Mery presechenija. Uголовно-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii* [Preventive measures. Criminal procedure law of the Russian Federation]. Moscow, 2010, 661 p.
17. Petruhin I. L. *Neprikosnovennost' lichnosti i prinuzhdenie v ugovnom processe* [The inviolability of the person and coercion in the criminal process]. Moscow, 1989, 256 p.
18. Savgirova N. M. *Mery presechenija, inye mery processual'nogo prinuzhdenija* [Preventive measures, other measures of procedural compulsion]. Moscow, 1960, 228 p.
19. Savgirova N. M. *Problemy mer presechenija v ugovnom processe: avtoreferat dis. ... d-ra jurid. nauk* [Problems of preventive measures in criminal proceedings. Author's abstract Diss. Dr. (Law)]. Ekaterinburg, 1991, 42 p.
20. Trunov L. L., Trunova L. K. *Mery presechenija v ugovnom processe* [Preventive measures in criminal proceedings]. St. Petersburg, 2003, 356 p.
21. Cokolova O. I. *Teorija i praktika zaderzhanija, aresta i sodержanija pod strazhej v ugovnom processe: avtoreferat dis. ... d-ra jurid. nauk* [Theory and practice of detention, arrest and detention in criminal proceedings. Author's abstract Diss. Dr. (Law)]. Moscow, 2007, 60 p.
22. Chervotkin A. S. [Commentary to the Decree of the Plenum of the RF armed forces about the use of detention, house arrest and bail]. *Uголовnyj process* [Criminal trial], 2014, no. 2. pp. 4–11.
23. Chistjakova V. S. *Zakonnost' i obosnovannost' primenenija mer ugo-lovno-processual'nogo prinuzhdenija* [The legality and validity of application of measures of criminal procedural coercion]. Moscow, 1978. 63 p.

Viacheslav Vladimirovich Nikoljuk – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Criminal Procedure Department, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation.

Received 2 July 2015.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Николюк, В. В. Распространяется ли институт мер пресечения на стадию исполнения приговора? / В. В. Николюк // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 43–52. DOI: 10.14529/law150407

FOR CITATION

Nikolyuk V. V. Is the institute of measures of restraint applied to the stage of execution of a sentence? *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 43–52. (in Russ.) DOI: 10.14529/law150407